

Предисловие к новому изданию

Как же быстро летит время! Парадокс в том, что в детском возрасте, когда человек не понимает ценности времени, оно тянется долго, как жевательная резинка, липнет к пальцам. Ребенок старается его стряхнуть, быстрее освободиться, скорей, скорей вырасти, стать большим, заниматься тем, что позволено взрослым, но не разрешено детям. Дети не знают, что, как только становишься взрослым, время начинает нестись словно бешеная лошадь, и притормозить его невозможно. Оглядывается взрослый человек назад, в свое детство, где было время на рыбалку, отдых, учебу, походы, пионерский лагерь, занятия в спортивной школе, чтение книг, игры, и не понимает, как так получилось, что теперь, когда он уже многое знает и многое умеет, когда он полон сил, уже освободился от юношеских глупостей и готов к рыбалке, музыке, чтению книг и походам, — именно в это время его, времени, нет. Оно мчится, оно находится в самой высокой точке своего движения. Еще какое-то время оно будет бежать по инерции, постепенно замедляясь (казалось бы, вот возможность воспользоваться им — но человек уже устал), и в конце концов остановится. Этот

момент наступает для каждого по-своему, но он неминуем. Помните: из точки Р в точку С... Так происходило всегда и всегда будет происходить. И во все времена люди хотели заглянуть туда, за занавес, который отделяет восьмимиллиардный зрительный зал от тех артистов, что сыграли свои роли, попрощались и покинули сцену навсегда. Можно ли вообще заглянуть за занавес? Меня тоже давно интересует этот вопрос.

Хорошо помню, как родилась идея книги «Между жизнями». Было это ранним утром, когда я ехал в такси на работу. При повороте с Госпитальной улицы на Лефортовскую набережную в голове возникла первая фраза книги и почти сразу же придумались сюжет и название. Так бывает редко. Обычно поиск заглавия для книги — долгий процесс, но тут все оказалось просто и другого названия я не видел. Сюжет родился из вопросов, которые мне к тому времени часто задавали. Дело в том, что прошло уже почти полтора года с момента выхода первой книги, «Вскрытие покажет», и я стал узнаваемой фигурой (во всяком случае, по сравнению с каким-нибудь постоянным обитателем подземного перехода на площади трех вокзалов). Мне задавали вопросы, часть которых я объединил в группу «Как я дошел до такой жизни» и решил ответить на них сразу, оптом. Легче всего было взять за основу свою собственную жизнь, которая к тому времени хоть и не сильно меня потрепала, но все-таки отличалась разнообразием событий, эмоций и потрясений. Логично было бы дать книге подзаголовок «Автобиография с элементами выдуманных историй», но я решил создать интригу. Итак, среди событий, описанных в книге, реальных эпизодов гораздо больше, чем выдуманных.

Если говорить честно — выдуманных сюжетов там почти нет. Современным молодым людям трудно даже представить, какой была жизнь в пору моего детства и молодости. Я очень благодарен Судьбе за то, что мне удалось стать свидетелем нескольких эпох: советской, эпохи диких девяностых и новой России. Помню, когда я был маленьким, то по-хорошему завидовал своим дедам: насколько интересной была их жизнь! Постреволюционные годы, суровые тридцатые, война, послевоенное время, целина, хрущевская оттепель, первый полет человека в космос. Тогда я и близко не догадывался, насколько интересной и витиеватой будет моя собственная жизнь и жизнь моих близких. Некоторые из описанных в книге людей уже покинули этот мир, один из моих сокомнатников, Ваня, стал уважаемым доктором, клиническим фармакологом Иваном Семеновичем, кто-то защитил диссертацию, кто-то совсем ушел из медицины. Мое родное село Соколовка («фартовый город Соколовка») постепенно исчезает и зарастает кленом. Река Ишим, на которой я проводил время и зимой и летом, чьи берега были исследованы вдоль и поперек, где собирал вкуснейшую ежевику и мерзлый, невероятно сладкий шиповник, обмелела. Общага в Омске по улице Блюхера, 16 стоит, и в комнате боз живут студенты, которые так же, как и мы, зубрят анатомию и физиологию, фармакологию и гигиену. В прошлом году я, будучи в Омске с лекцией, впервые решил пройти пешком по тому маршруту, по которому мы, сонные студенты, ходили утром и вечером из общаги до остановки автобуса. Без особой надежды на успех нашел магазин, стоящий напротив санитарно-гигиенического корпуса Омского мединститута, обогнул его слева, и ноги сами понесли меня. Я не узнавал

окрестных домов, но ноги шли сами и, хотя прошло 30 лет с тех пор, как я покинул Омск, вывели меня к общежитию. В окнах красовались белые пластиковые стеклопакеты, но в остальном ничего не изменилось. Я почти час стоял на крыльце (внутри меня, разумеется, не пустили) и словно заново переживал первокурсное время, вспоминал людей и события, которые во многом определили мою судьбу. Кстати, точно так же меня не пустили и в общагу №1 Челябинского мединститута (ул. Воровского, 386), который сейчас, как и остальные вузы, пафосно называется университетом. Бойкий охранник в фойе объяснил, что пропустил бы меня, но «кругом камеры» и его накажут. Как же мы жили без камер и охранников? От телефона на стене, по которому бесплатно звонили куда хотели, остался только провод, замазанный краской, фасад старого здания облупился и обнажил красные кирпичи, в окнах красуются вездесущие стеклопакеты, никак не соответствующие стилю здания, сквер перед общежитием, где мы на Пасху пили пиво из трехлитровых банок, превратился в культурное общественное пространство — но в памяти моей ничего не изменилось. Вот через эти двери, которые сейчас металлические и закрыты наглухо, а тогда были деревянные и открывались почти на полметра, мы протискивали незаконно срезанную в парке елку, вот на этом чердаке стреляли голубей на обед, а вот на этой плоской крыше, именовавшейся среди студентов «промежность», загорали в летнюю сессию. Несмотря на некоторую современную застройку, почти ничего не изменилось в волшебном городе Копейске, том самом, где я начинал работать и где насмотрелся почти всего, что можно увидеть в судебной медицине. Вот где стабильность!

Жизнь идет своим чередом, не обращая внимания на нас, людей, которые рождаются и умирают, и снова рождаются, и снова умирают, и этот круговорот бесконечен. Так уж получилось, что без всякого намерения я немного заглянул за тот самый занавес. Произошло это уже после выхода книги «Между жизнями», и с тех пор вопрос «Верите ли вы в жизнь после смерти?» для меня не стоит. Я не верю — я знаю, что наша земная жизнь лишь этап для чего-то другого, более важного. Это для меня бесспорно и не подлежит сомнению. Рассказывать что-либо на эту тему бессмысленно: тем, кто знает или верит, и так все понятно, а кто не верит — не поверит. Пусть все остается как есть, тем более что не обо всем можно говорить. Нужно с благодарностью принимать свою жизнь, даже если вам кажется, что в некоторых событиях нет смысла. Он есть, просто не пришло еще время его узнать.

Первое издание книги «Между жизнями» имело большой успех. В 2020 году она заняла первое место в категории «Эскулап» на конкурсе «Здравомыслие», проводимом Министерством здравоохранения России. Я очень рад, что теперь у книги вторая жизнь.

Выражаю огромную признательность издательству «Альпина Пабlishер», моим друзьям, читателям моего телеграм-канала, моим коллегам по Учебному центру Пироговского университета и моей дорогой жене за поддержку и участие.

Замечания, пожелания и прочее, как всегда, жду на mossudmed@gmail.com или в телеграм-канале [@reshetun-alexeu](https://t.me/reshetun-alexeu). Берегите себя!

Май 2025 года
Москва, Лефортово

Предисловие к первому изданию

В жизни любого человека неминуемо присутствуют два знаковых для него и его родственников события — рождение и смерть. Все остальные жизненные коллизии протекают между этими двумя точками. «Из точки А в точку Б...» — помните из школьного курса математики? Человек движется из точки Р до точки С, и у некоторых этот путь прямой, а у большинства — извилистый, как иногда кажется самому человеку, непредсказуемый, со множеством поворотов, иногда даже возвратов к начальной точке, но всегда ведущий к финалу.

Если рождение человека, безусловно, воспринимается в обществе позитивно (ведь даже рождению Гитлера радовались его родители и родственники, не так ли?), то смерть — это всегда трагедия, или локальная, в пределах одной семьи, или глобальная, если человек и его дела являются национальным достоянием.

Однако мало кто задумывается о том, что смерть, как и рождение, — процесс естественный, обуславливающий постоянное развитие человечества. Наверное, самым печальным фактом может быть смерть внезапная, особенно когда умерший относительно молод. Сами посудите,

если бы ребенок рождался неожиданно, если бы не проходило многих недель, в течение которых и женщина, и ее родственники меняются, наблюдая его развитие в утробе, привыкая к факту будущего рождения и планируя свою жизнь с учетом этого факта, если бы он вдруг взял и появился — это стало бы шоком для всех. Скоропостижная смерть — тоже шок. Был человек — еще сегодняя утром, еще полчаса назад — и вот его нет. Есть в этом что-то противоестественное и несправедливое. Но только до того момента, пока мы не поймем, что каждому из нас определена своя дорога, своя судьба, выбранная не нами, и если именно так должна прерваться человеческая жизнь, значит, так тому и быть.

Эта книга не автобиография, вернее, не только автобиография. В ней описаны события, происходившие со мной и с моими знакомыми или вообще никогда не происходившие. Имена собственные, указанные в тексте, — реальные, некоторых из этих людей уже нет на свете (долгая им память), города и села стоят на земле до сих пор, правда, какие-то из них уже значительно изменились, а иные за время написания книги даже обрели другие названия.

Я хочу сказать спасибо Александру Николаевичу Кузину за меткое и емкое определение сути нашей специальности, экспертам, фельдшерам-лаборантам и санитарам, с которыми я работал и работаю вот уже почти двадцать лет.

Особенная благодарность — моей жене Ирине за ее безграничное терпение, любовь и поддержку, без которых не было бы ни этой книги, ни меня самого.

2 июня 2019 года,
Московская область, Раменский район,
деревня Дурниха

Предварительные данные

«А кости черепа-то у вас, скорее всего, довольно толстые...»
«Что, простите?»

Мнение о толщине костей моего черепа, высказанное скорее утвердительно, нежели вопросительно, застало меня врасплох. Произнесший эти слова мужской голос, который внезапно появился в моей голове, был ниже среднего тембра, но не глубокий, немного с хрипотцой, однако хрипотца эта не казалась природной и больше походила на ту, что появляется у людей, вынужденных много говорить. «Наверное, таким голосом хорошо исполнять романтические песни под гитару», — почему-то подумал я.

«Да не обращайтесь внимания, — ответил все тот же голос, — шучу. По степени выраженности некоторых частей лица можно понять, какой толщины кости черепа у человека. Мне-то по большому счету все равно, а вот санитару — нет, ему пилить. Иногда, без достаточного опыта, кости черепа очень непросто распилить — фреза застревает, санитар волнуется».

«А при чем тут я?»

«Ну, вы же сами говорили, что вам интересно всё, все детали, — в голосе собеседника появилась легкая ирония, — а уж теперь-то сам Бог велел нам с вами поговорить обстоятельно. Я весь ваш».

После вышесказанного фраза «я весь ваш» вызывала некоторое беспокойство, тем более что человек, произнесший ее, наряду с запоминающимся голосом имел и неординарную внешность. Это был мужчина лет сорока двух — сорока трех. Его небрежно зачесанные назад волосы, темно-русые, без намека на седину, когда-то густые, неумело скрывали уже появляющуюся блестящую полянку на темечке. На мочке левого уха имелся вполне различимый точечный рубец — скорее всего, он носил серьгу. На круглом, чуть полноватом лице сидели очки в модной темно-коричневой оправе, за которыми были видны серо-голубые маленькие глаза, казавшиеся еще меньше из-за толстых, несколько затемненных стекол. Несомненным украшением лица, придававшим ему какую-то детскость, являлся нос — крупный, основательный, почти картошкой. Губы были узкими, а рот — небольшим, в отличие от слегка оттопыренных ушей. Все вместе эти части выглядели, как ни странно, гармонично, они скрывали недостатки и подчеркивали достоинства друг друга.

«Такие люди привлекают внимание не столько внешне, сколько харизмой. И частенько оказываются хитрожопыми», — подумал я.

Мой собеседник был среднего роста и казался чуть ниже меня — возможно, из-за легкой сутулости и короткой шеи. Крупные и очень волосатые руки придавали телу какой-то «орангутаний» вид. Синий хирургический костюм и фартук

из белого полиэтилена не оставляли сомнений в происходящем.

За почти сорок лет жизни и двадцать лет журналистской деятельности я успел поработать во многих местах — в серьезных и несерьезных газетах и журналах и даже на радио. Впрочем, на радио я долго не задержался, поскольку никогда не понимал разговора с микрофоном в пустой студии. Слушатели были где-то далеко и как будто не существовали, слова мои бесследно исчезали в микрофоне, и после эфира у меня всегда оставалось ощущение какой-то шизофреничности. В прямом эфире работать не получалось: как только загоралась красная лампочка, на меня словно накатывал большой ватный ком, мысли путались и язык не слушался до такой степени, что пару раз я допускал совсем уж неприличные оговорки. После очередного провального эфира я с позором покинул радиостанцию — как оказалось, для того, чтобы найти себя в жанре экстремальной журналистики.

Однажды вечером, будучи в состоянии легкого отчаяния и сопутствующего ему тяжелого опьянения, я встретил на улице парня лет двадцати пяти, который просил денег. Нарушив собственное правило — никогда никому, кроме старушек, не подавать, — в приступе алкогольной щедрости я вручил ему существенную сумму, попутно поинтересовавшись, почему джентльмен такого активного возраста попрошайничает. «Зачем вам деньги? Вы что, еврей?» — попытался я состричь, подражая известному журналисту. Паренек, скорее всего, даже и не слышал о Сергее Доренко, поэтому шутку мою не оценил, но, видимо, преисполненный благодарности, ответил, что деньги ему нужны «на ужин». Тогда я еще не знал, что значит для людей его

круга выражение «трехразовое питание», и необходимость кланчить деньги у незнакомых людей «на ужин» меня очень удивила — так не говорят, когда не хватает на еду. Присмотревшись, я увидел большие впалые глаза на сухом желто-сером лице, выступающие скулы, обтянутые кожей, трясущиеся руки.

«На дозу?»

Парень усмехнулся, показав рот с черными пеньками вместо зубов.

«Ну да...»

Не помню уже, чем было вызвано это внезапное желание — то ли опьянением, то ли отчаянием, но я попросил, вернее, потребовал взять меня с собой.

«Куда?» — удивился парень.

«Куда угодно, — я схватил его за руку. — Хочу посмотреть!»

«На что?» — удивился он еще больше, глядя на меня с подозрением.

«На все!» — я упрямо мотнул головой.

Сейчас я думаю, что та трехдневная алкогольная попытка справиться с кризисом среднего возраста сыграла мне на руку, вид у меня был, откровенно говоря, так себе: щетина, неопрятная одежда, перегар — типичный русский интеллигент, ищущий себя. Наверное, именно поэтому я не вызвал никаких подозрений, и произошел тот редчайший случай исключения из правил — попрошайка-джентльмен взял меня с собой, что в принципе невероятно. Хотя, может быть, он просто спешил «на ужин» и ему проще было согласиться, нежели пытаться отделаться от меня, тратя драгоценное время. Таким образом я попал в другой мир — мир так называемых «крокодиловых» наркоманов — и провел там

всю ночь до утра. Наутро, совершенно трезвый, добрался до дома и, сразу сев за компьютер, написал свой первый экстремальный репортаж. В нем имелось все то, о чем не говорят в новостях и полицейских сводках, — жуткие подробности времяпрепровождения этих потерянных молодых людей, которых и людьми-то не назовешь. После трехдневного запоя и полученных впечатлений красноречие мое было необычайным, а окончание репортажа — радикально категоричным, неpolitкорректным и полностью лишенным человеколюбия. Уже на автомате я разместил свою писанину в блоге, который с переменным успехом вел в течение пары лет, и провалился в сон, а точнее, в забытие без снов. Может быть, тогда я даже умер ненадолго — так мне казалось потом.

Не знаю, через какое время я воскрес, но за окном было уже (или еще) светло. Я жутко вонял, весь вымок то ли от пота, то ли от чего-то другого, о чем не хотелось даже и думать, рубашка и брюки оказались прожженными в нескольких местах и испачканными какой-то белесоватой, тоже вонючей дрянью. Телефон мой разрядился, узнать время и день недели мне не удалось, и поэтому, поставив его заряжаться, я пошел в душ. Примерно час я приводил себя в порядок и только после этого наконец смог посмотреть дату — выяснилось, что проспал я больше суток. Стала ясна и причина разрядки телефонного аккумулятора — несколько десятков неотвеченных звонков от известных и неизвестных мне людей, множество сообщений, общий смысл которых сводился к удивленному «ну ты, чувак, даешь!».

Только открыв блог, я понял, в чем дело: сотни комментариев, десятки перепостов, первая строчка в топе

в течение суток — успех, который из локального уже перерастал в скандально-повсеместный. Так и началась моя карьера экстремального журналиста-одиночки.

За несколько лет, прошедших с той истории, я поднялся довольно высоко, мой блог фактически приравнялся к средству массовой информации, миллионные просмотры давали неплохой заработок, а вместе с ним и независимость, я стал популярным, даже получил пару каких-то премий за что-то там. Однако вместе с ростом популярности постепенно назревала одна проблемка: у меня кончались сюжеты для моих экстремальных репортажей. Казалось бы, я попробовал все: попадал под лавину в горах, неделю выбирался из зимней тайги после неудачной охоты, играл в подпольную русскую рулетку, поднимался на высотные здания с руферами, жил в деревнях бомжей, лежал в провинциальной туберкулезной больнице, участвовал в гонках, торговал людьми, хоронил себя заживо и даже воевал — деньги и связи решали любые вопросы. Не скажу, что мне все это нравилось, но требовалось поддерживать образ, да и жить на что-то надо было. Судьба как будто специально давала мне шанс описать то, что до меня никто не описывал. Неоднократно я оказывался на волосок от смерти и даже ждал, что во время очередного «погружения» (так я называл свои экскурсии) со мной опять случится что-то опасное, но я снова вернусь живым, относительно здоровым и напишу новый шедевр. Такие мелочи, как, например, отмороженные пальцы на ноге или пуля от какого-нибудь барыги, меня не тревожили, хотя после посещения туберкулезного диспансера я почти месяц лечился от кожной заразы, и это было гораздо неприятнее обморожения. Судьба хранила меня.

Теперь же шокирующих тем почти не осталось. Все, что приходило в голову, либо очень дорого стоило (например, идея найти в Новой Гвинее племя каннибалов и попробовать человечины), либо было глупым или неоригинальным. Именно тогда у меня возникла мысль попасть в морг. Действительно, что простой обыватель знает о морге? Да практически ничего. А между тем, люди, которые там работают и имеют ежедневный контакт со смертью, живут рядом с нами, едят в тех же кафе, ходят по тем же улицам. Никто не подозревает о том, что всего час назад этот человек потрошил чье-то тело. Вот бы и мне удалось поучаствовать в этом процессе!

Идея захватила меня. Подключив связи и деньги, я в конце концов сумел выйти на судебно-медицинского эксперта, который после долгих переговоров согласился на интервью. Я был практически уверен в том, что уговорю его взять меня с собой на вскрытие, — многолетний опыт общения с самой разнообразной публикой плюс деньги наверняка сделают свое дело. «Я хочу посмотреть!» — вспомнил я свои давние слова, с которых начались мои «погружения».

Я никогда не считал себя самоуверенным парнем, но за годы общения с людьми, у которых все продается и покупается, стал наглее и убедился: то, чего нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги. А потому категорический отказ доктора взять меня с собой в секционный зал явился полной неожиданностью. Пообщавшись с ним несколько раз по телефону, я так и не понял до конца: он набивает себе цену (хотя и так были предложены неплохие деньги) или просто такой правильный. Наконец я избрал единственно верный, как мне казалось,

путь к осуществлению моей цели. Сначала я сделаю большое интервью с экспертом, познакомлюсь с ним поближе, войду, так сказать, в контакт (или, скорее, в доверие), дам понять, что со мной можно иметь дело, и лишь потом приложу все усилия для того, чтобы поучаствовать в исследовании человеческого тела.

Меня охватил уже знакомый по прежним «погружениям» азарт. В конце концов, судебно-медицинский эксперт — всего лишь человек, со своими человеческими слабостями, а я парень упертый.

Знакомые советовали мне обратиться к какому-нибудь патологоанатому, но мне хотелось острых ощущений. Я жаждал увидеть насильственную смерть со всеми ее отвратительными подробностями, такими, которых, конечно же, не будет у «клиента» патологоанатома. Я никогда не искал легких путей.

И вот теперь я узнал этот голос — именно с ним я несколько раз обсуждал по телефону подробности нашей встречи, темы для разговора. Однако обладателя его я представлял себе совсем иначе. Под влиянием множества фильмов и сериалов, которые я пересмотрел, готовясь к встрече, у меня сложился образ этакого эстета в дорогом костюме, шикарном галстуке, с безупречной улыбкой, тонкими пальцами и безумными глазами. На мой взгляд, человек, который многие годы работает с трупами, просто обязан быть творческим эстетом, иначе как не сойти при такой деятельности с ума?

Теперь же, при виде безволосой груди под синей робой, больших рук и вовсе не эстетичного лица в очках, я был немного разочарован.

Собеседник, вероятно поняв по выражению моего лица, о чем я думаю, улыбнулся:

«Вы, наверное, надеялись увидеть более благопристойную внешность? Увы, люди находятся во власти стереотипов и обычно представляют себе судмедэксперта в образе Ганнибала из одноименного сериала или, наоборот, полусумасшедшего щетинистого полноватого мужичка, который носит одежду с высохшими кровавыми пятнами, ест там же, где работает, и похабно шутит. Можете убедиться: на мне нет пятен крови, принимать пищу я не собираюсь, а вот насчет шуток — извините. Мне показалось, что моя шутка о вашем черепе была преждевременной». — Он опять слегка улыбнулся, словно призывая меня расслабиться.

«Да, ваше мнение о моей голове несколько неожиданно, — ответил я тоже с улыбкой. — Впредь буду наготове».

«А в жизни многие вещи происходят очень неожиданно, вам ли не знать? Более того, смерть тоже чаще всего неожиданна. Помните: “...Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!” Товарищ Воланд абсолютно прав. Вы даже не представляете себе, насколько прав».

Я внимательно посмотрел на него. Улыбка с его лица исчезла, оно стало серьезным и каким-то торжественным. «Да уж, конечно, не представляю, — подумал я. — Не я ли видел, как погибали солдаты во время моей послед... нет, крайней командировки в одну из горячих точек? Или как сорвались со скалы альпинисты тогда, в Гималаях? Очевидно, никто из них не планировал приехать домой в цинковом гробу с маркировкой “ГРУЗ-200”. Правда, все они

знали о том, что занимаются опасным, рискованным делом, и понимали, что могут погибнуть. Если же говорить о простых, обычных людях, то для них внезапная смерть и в самом деле фокус...»

Решив не углубляться в рассуждения и не обращать внимания на странный взгляд моего собеседника, я вкратце обозначил темы для разговора.

«Меня действительно интересует все. Например, как становятся людьми вашей профессии...»

«Специальности. Давайте сразу определимся: существует профессия “врач”, в рамках которой есть множество врачебных специальностей — педиатр, дерматовенеролог, терапевт и так далее. И судебная медицина — это одна из врачебных специальностей».

«Хорошо. Как становятся людьми вашей специальности? Меня это интересует в первую очередь. Мне кажется, вы и ваши коллеги должны обладать каким-то особым взглядом на жизнь и окружающую действительность, и взгляд этот, вероятно, формируется еще в детстве».

«Вы хотите узнать о моем детстве?» — удивился он.

«Почему бы и нет? Если у вас есть время, то давайте начнем именно с этого».

«Ну что ж, часа три–четыре я на вас потрачу, — опять как-то очень серьезно сказал судебно-медицинский эксперт. — Так что, думаю, мы сможем поговорить обо всем».

Он начинал мне нравиться, этот пока непонятный для меня человек. По своему опыту я знал, что отношения между журналистом и тем, у кого он берет интервью, могут развиваться по-разному. Иногда собеседник раздражается от слишком, как ему кажется, неуместных вопросов, иногда раздражаешься сам; бывает, что очень

интересный публичный человек в действительности, вне своего образа, — скучнейший серенький зануда. Удача, если оба участника интервью оказываются, что называется, на одной волне и время беседы пролетает непринужденно и незаметно. В такие моменты порой рождается крепкая многолетняя дружба.

«Кстати, насчет моего черепа. — Слова эксперта не выходили у меня из головы. — Вы сказали, что по некоторым частям лица можете определить толщину костей. Что это — профессионализм, опыт или что-то другое?»

«Скорее опыт. И еще наблюдательность. Большинство людей совсем не обращают внимания на то, что видят, а если и обращают, то никак не анализируют эту информацию. Задача же эксперта — уметь видеть и оценивать увиденное. Возьмем, к примеру, самое простое — одежду. Во что вы одеты? Перечислите».

«Эм-м... — вопрос был неожиданный. — Ну, рубашка, футболка и джинсы. А что?»

«Я ответил бы по-другому. На вас: рубашка с длинными рукавами, серая, в крупную черную клетку, хлопчатобумажная, которая застегивается на круглые серые пластмассовые пуговицы. На передней поверхности правой и левой пол, в верхней их трети, два накладных кармана, которые застегиваются на такие же пуговицы; футболка черная, хлопчатобумажная, с красно-белым принтом на передней поверхности; брюки синие, из джинсовой ткани, застегиваются на круглую желтую металлическую пуговицу и желтую металлическую застежку “молния”. На передней и задней поверхности правой и левой брючин, в верхней их трети, — по два врезных и накладных кармана. В шлевках брюк — черный кожаный поясной ремень шириной

около пяти сантиметров, с блестящей белой металлической пряжкой. Носки черные, хлопчатобумажные; туфли черные, замшевые, с серыми металлическими декоративными заклепками на наружной поверхности и, пардон, хлопчатобумажные трусы с широкой серой резинкой. Я так описал бы вашу одежду».

Все было верно. «Носки он мог увидеть, но как и когда он разглядел мои трусы — совершенно непонятно».

«Мы с вами общаемся всего-то около получаса, — продолжал эксперт, — а я о вас уже способен кое-что сказать вполне определенно. Например, я могу утверждать, что вы курите, причем давно и много».

Я действительно курил больше двадцати лет, и в последнее время нормой для меня стала пачка в день. Ну или полторы пачки. Если честно, то иногда доходило и до двух. Бывало, что во время работы в офисе над репортажем об очередном «погружении» я не замечал, как прикуривал одну сигарету от другой, при этом в пепельнице на столе всегда дымилась еще одна — на всякий случай, чтобы не отвлекаться на прикуривание новой, когда накатывает вдохновение и нельзя оторваться от клавиатуры.

Сейчас я поймал себя на мысли о том, что мне совсем не хочется курить, хотя прошло уже довольно много времени с начала нашего разговора. Не тянуло тошнотворно в животе и груди, не выворачивало нутро, и я не испытывал потребности снова и снова вдыхать табачный дым. Это было очень странно, но сконцентрироваться на этой мысли у меня не получилось — эксперт продолжал:

«Во-первых, от вас пахнет табаком. От курящего человека всегда пахнет куревом, даже тогда, когда он пользуется одеколоном. Пахнут волосы, одежда, дыхание. Во-вторых,

у вас сухая кожа, кончики пальцев бледные, а ногти — с желтым оттенком. Да и если бы вы посмотрели на себя со стороны, вы услышали бы, что дышите с этакой особенной хрипотцой. Готов поспорить, что по утрам вам приходится откашливаться всякой дрянью и не всегда у вас это получается с первого раза. Хронический бронхит, начинающаяся эмфизема и сажа в легких — картина вполне очевидная. Я ведь прав, не так ли?»

Он был прав. Утренний кашель стал уже столь обыденным, что я не обращал на него внимания, как и на ту темно-серо-зеленоватую густую слизь, которая отхаркивалась с каждым разом все труднее.

«Ну и нюх у вас! — промышчал я. — Как у собаки!»

«Нюх, как вы выразились, очень важен для эксперта. Чрезвычайно важен. Знаете ли вы, что мы специально нюхаем трупы? — вдруг спросил он. — Вид врача, который нюхает только что вскрытый череп, может вызвать психотравму у обывателя, но ведь мы исследуем тела. — Он сделал акцент на слове «исследуем». — Есть визуальный метод исследования — когда я осматриваю покойника, а есть, если можно так сказать, “нюхательный”. Чтобы различить в обычном трупном запахе нотки горького миндаля, прелой листвы или уловить сладковатую волну спирта, нужно активно понюхать труп, причем желательно сразу после извлечения головного мозга или вскрытия грудной и брюшной полостей. А желудочное содержимое? Святая обязанность каждого эксперта — определить, что употреблял перед смертью умерший, особенно если он является убитым. Изучая степень заполнения желудка и характер поступившей в него пищи, а также зная сроки, через которые пища эвакуируется из желудка, мы способны сказать,

когда человек ел, и это может быть очень важно для следствия. Как установить, что именно ел убитый? Промыть содержимое желудка в дуршлагае и хорошенько понюхать. Даже в обычном гнилостном запахе можно различить много вполне приятных оттенков, а иногда гнилой труп и вовсе пахнет как женские духи одной известной марки, не скажу какой. Если ваша жена, девушка или знакомая использует эти духи, они обязательно будут у вас ассоциироваться с моргом. Вы все еще хотите посетить вскрытие?»

Ответил я не сразу. Конечно, я знал... приблизительно знал, как работает судмедэксперт. Пересмотрев кучу роликов в интернете по запросу «вскрытие трупа», я представлял себе то, с чем мне придется столкнуться. Но вот запах... О нем я как-то не подумал и теперь был совершенно сбит с толку рассказом доктора.

«А вот в иностранных фильмах патологоанатомы чем-то мажут себе под носом», — с надеждой начал я.

«Ментоловая мазь. Забудьте о ней. Мы ее не используем по тем причинам, о которых я только что говорил».

Честно говоря, другого ответа я и не ждал.

«Ну что же, — ответил я, — нюхать так нюхать».

«Вот и прекрасно, — как бы поставил точку в этой теме эксперт. — Я обещаю, что вы примете участие во вскрытии трупа, и довольно скоро, но сперва вы хотели о чем-то со мной поговорить?»

Наружное исследование

«Начнем с самого начала, — сказал я. — Расскажите о своем детстве, о том, как вы росли, чем увлекались, каким были?»

«Ну что же, слушайте... Мои родители познакомились в Целинограде, где оба поступили в медицинский институт. Сейчас Целиноград называется Нур-Султан и является столицей Казахстана, а в то время он был небольшим областным городом. Через него протекает река Ишим, где местные жители в те времена с моста ловили раков: они опускали в воду на длинных веревках специальные рачевни — сетки с привязанными к ним кусками тухлого мяса, ждали минут тридцать и поднимали их, уже полные раков.

Надо сказать, что Казахстан был современной советской республикой, особенно северная его часть, куда ехали тысячи молодых людей, комсомольцев и не только, движимых призывом партии и правительства превратить целинные земли в плодородные поля. Первых целинников можно назвать настоящими героями: мало того, что работали они на голом энтузиазме, так еще и в жутких условиях. Летом — адская жара, зимой — адский холод,

морозы за тридцать и постоянные метели. Жили в землянках, палатках, но были счастливы оттого, что участвовали в большом и нужном деле. В наш коммерческий век такое немыслимо...

Родители мои родом из Северного Казахстана, познакомились они в Целиноградском медицинском институте, а на третьем курсе их обучения у них уже родился я. Так что я, можно сказать, медицину впитал с молоком матери. Всего через два года после своего рождения я уже помогал родителям сдавать экзамены: например, преподаватель по детским болезням совершенно искренне считал, что если у студента есть ребенок, то он знает все по этой теме, поэтому моих маму с папой не пытал и просто поставил им “отлично” автоматом. Позже, когда я сам был студентом и тоже жил в общежитии, я уже смог представить себе, каково это — иметь маленького ребенка на третьем курсе, самом напряженном и сложном, который студенты называют экватором, поскольку после третьего курса остается проучиться еще три.

После окончания института родителей распределили обратно в Северный Казахстан, вначале в Петропавловск, а потом в село под названием Соколовка. Это был районный центр, который, как сказали бы теперь, “динамично развивался”. Именно в этом селе и прошло мое золотое детство. Мама работала офтальмологом, отец рентгенологом, а со временем стал главным врачом районной больницы».

«Название села не очень казахское», — заметил я.

«Так это же Северный Казахстан, бывшая Омская губерния, у нас и казахов-то было немного, да и те скорее русские казахи, без каких-то националистических заморочек.

Изменения начались потом, гораздо позже, после распада Союза, — печально сказал доктор. — “Фартовый город” — так называл Соколовку мой дядя и не ошибался. Мое село напоминало скорее поселок городского типа: двухэтажные дома, две трехэтажные школы, множество предприятий. Практически все дороги были заасфальтированы. Кстати, тот асфальт, вернее, то, что от него осталось, там так и лежит, с советских времен, его до сих пор не меняли. Родители работали в районной больнице, которая занимала большую территорию и состояла из нескольких корпусов, стоящих среди густых зарослей кленов и акаций. Именно там мы и любили играть, особенно вечерами, когда все корпуса закрывались и можно было делать все, что заблагорассудится, например ловить мотыльков или гонять на велосипедах. Там же, у одного из корпусов, мы часто находили спичечные коробки, которые подбирали, надеясь найти там спички, но в них всегда оказывались какашки — корпус был лабораторией, куда пациенты приносили свои анализы. Наверное, после взятия определенного количества кала на исследование остальное просто выбрасывалось.

Недалеко от дыры в заборе, через которую мы проникли на территорию больницы, стоял туалет типа “сортир” на два посадочных места. В нем имелась перегородка, в которой кто-то (все знали кто) специально проделал отверстия для оперативного наблюдения за женскими частями тела. Ожидая узреть что-то жутко эротическое, мы по очереди пробирались в соседнюю кабинку и через дырку следили за посещающими туалет. Видно не было абсолютно ничего, однако это не мешало каждому наблюдателю рассказывать об увиденных им ого-го

каких задницах, что вызывало справедливую зависть окружающих. Закрылось это окно в мир эротики следующим образом: однажды, когда к туалету направилась очередная дама, мой друг занял позицию в соседней кабинке и стал ждать, пока она снимет, пардон, трусы, но, наклонившись к смотровому отверстию, он вдруг услышал прямо над своим ухом: “Что, жопы никогда не видел?”

Дама была очень даже в теле и гаркнула голосом командира кавалерийского отряда, призывающего идти в атаку. Мой друг сразу же понял, что вопрос обращен именно к нему, но отвечать на него не стал и спешно покинул наблюдательный пост. Остальные ребята, в числе которых был и я, смотревшие, как обычно, из-за забора, сдригнули еще раньше, и это спасло нашу репутацию. А вот мой кореш Женька в тот вечер огреб от отца ремня — в селе все друг друга знали, и конечно, дама “срисовала” Женьку еще до того, как он зашел в кабинку. После этого мы потеряли интерес к туалетным наблюдениям.

Круглый год я любил пропадать на реке. Ишим протекал совсем недалеко от дома, мы ловили в нем рыбу, зимой катались с высокого обрывистого левого берега, на котором и располагалось наше село. На этом берегу, у самой воды было множество родников, которые и в мороз не замерзали; их вода, богатая железом, имела ярко-ржаво-оранжевый цвет и кислый вкус.

С рекой в моем детстве было связано многое. Весной, во время ледохода, местные жители выходили на берег и наблюдали за тем, как поток нес огромные льдины, которые иногда наползали друг на друга и ломались с грохотом, напоминающим взрывы. В годы особенно сильного половодья разлившаяся вода размывала кладбище

в Петропавловске — областном городе, который находился выше по течению, и по Ишиму плыли гробы. Деревянный мост, который соединял оба берега, на время разлива убирали, и переправой служил маленький пыхтящий паромчик, перевозивший людей и велосипеды. С исчезновением СССР исчез и этот паромчик. Период разлива Ишима был для нас, пацанов, праздником. Река напоминала море; релка, на которой росли ивы, почти полностью погружалась под воду, торчали только верхушки деревьев. Если половодье затягивалось, то верхние ветви ив уже цвели, а нижние после ухода воды оставались еще совсем голыми...»

«Простите, вы сказали “релка”? — поинтересовался я. — Никогда не слышал такого слова. Что это?»

«Так все называли небольшой островок посередине реки. Была еще большая релка — выше по течению, а эта — почти напротив моего дома, малая».

Доктор улыбнулся — видно, он с удовольствием вспоминал эту пору своей жизни.

«Так вот, — продолжал он, — во время половодья наш высокий обрывистый берег уже хорошо прогревался, и, пока не выросла высокая трава, наступала пора вылавливания тарантулов. Откуда взялось это занятие и кто его придумал, никто не знает, но каждую весну наша компания, вооружившись пустыми стеклянными бутылками или флаконами из-под шампуня (пластиковой тары для воды тогда не было), бродила по берегу в поисках нор местных пауков, которых все называли тарантулами — не уверен, что правильно. Норы эти хорошо выделялись на покрытой скудной травой земле — почти идеально круглые, диаметром с современную двухрублевую монету, с небольшой горкой

у входа. Если кто-то обнаруживал такую нору, он тут же звал остальных и начиналась спецоперация по извлечению из нее паука, называемая “выливанием тарантулов”. За водой ходить далеко не приходилось — разлившаяся река была внизу. Наполнив емкости, мы приступали к делу. Среди детворы ходил устойчивый слух, будто тарантулы могут прыгать на несколько метров, поэтому принимались меры предосторожности — вода наливалась постепенно, а нора после очередного залива внимательно осматривалась. Тарантул появлялся всегда неожиданно: из темноты внезапно показывались несколько паучьих лап. В этот момент большинство пауколовов разбежались с криками ужаса, каждый боялся, что паук прыгнет именно на него. Но несчастный тарантул, будучи ночным животным, никогда ни на кого не прыгал, а просто был потрясен внезапной облавой. Дело техники — взять его двумя веточками и переместить в банку. Помимо паучьей прыгучести мы верили в то, что если в банке окажутся несколько пауков, то они устроят между собой битву, а если кинуть паука в воду, то он по ней спокойно побежит аки посуху. Несмотря на то что пауки никогда не дрались, а при помещении в воду тонули, легенды эти передавались из поколения в поколение.

Еще мы любили лазить по помойкам. Зимой некоторые недобросовестные жители, дома которых располагались близко от берега, выносили мусор и сваливали его на склон. Мусор этот весной был доступен для осмотра, чем мы и пользовались. Но мы инспектировали помойки не просто так. Мы искали пробки (на самом деле под пробками подразумевались различные крышки). В пробки тогда играли все и везде. Смысл игры состоял в том, чтобы

Содержание

Предисловие к новому изданию.....	7
Предисловие к первому изданию.....	13
Предварительные данные.....	15
Наружное исследование.....	31
Внутреннее исследование.....	67
Заключение.....	221